

ФИЛОСОФИЯ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ В.О. КЛЮЧЕВСКОГО

О.А. ЖУКОВА

Философско-культурологический подход в изучении отечественной истории соответствует общему направлению культурологизации научного дискурса в различных отраслях гуманитарного знания. Культурологическая составляющая обнаруживает себя в большом комплексе социальных и политических проблем современности. Применительно к исследованиям отечественной истории в пользу данного подхода возникают дополнительные аргументы: российскому обществу приходится преодолевать разрывы в наследовании культурных традиций, обусловленные драматической историей страны в XX в.

Проблема философской рефлексии над историческим опытом России сегодня остается одной из центральных в отечественной философии культуры и истории. В этом контексте опыт изучения русской истории выдающегося ученого-историка В.О. Ключевского, позволяет артикулировать тему культурно-исторической преемственности, разработанную в философской литературе довольно слабо. Историческая концепция Ключевского содержит в себе интерпретацию религиозной и политической культуры и рассматривает отечественную историю с точки зрения взаимосвязи трех важнейших культурологических концептов – обращения к прошлому (культурной памяти), идентичности (культурной, цивилизационной, политической) и культурной преемственности (формирования и передачи традиции). Прочтение отечественной истории как целостного культурного предания – одно из выдающихся достижений В.О. Ключевского, которое говорит о нем не только как об историке, но и как об оригинальном мыслителе – философе русской культуры, оказавшем значительное влияние на ход развития общественной мысли в России.

1. Об актуальности историческо-философской концепции В.О. Ключевского

Выражение «история по Ключевскому» приобрело идиоматическое значение. Такая оценка, автоматически возводящая ученого в разряд классиков отечественной исторической мысли, вроде бы предполагает, что наследие Ключевского постоянно востребовано, как и свойственно классике. На поверку оказывается, что круг читателей, а тем более интерпретаторов научного творчества Ключевского, давшего глубокий, выверенный взгляд на российский опыт жизни во времени и вечности, не столь широк. Ситуация же такова, что русская

история буквально разрывается «на клочки». Современные версии исторического нарратива неприкрыто демонстрируют различные политические стили старых и новых мифологий и мифологик. Множественность трактовок прошлого и настоящего, разумеется, неизбежна, однако, признаем, что без внятного в исследовательском и оценочном плане анализа отечественной истории невозможно подступиться сегодня ни к социально-политическим, ни к духовно-культурным вопросам жизни российского общества.

Актуальность творчества Ключевского, на наш взгляд, высвечивается на фоне двух масштабных событий современной культурной истории. С одной стороны, это демонтаж больших исторических проектов, совершающийся у нас на глазах: тут и судьба национальных культур в эпоху глобализма, и постхристианская конструкция Европы, и конец великого противостояния капиталистической и социалистической систем. С другой стороны, это продолжающийся раскол русского мира с его противостоянием славянофильства и западничества, консерватизма и либерализма, традиционализма и прогрессизма. Возникает вопрос: не свидетельствует ли данная ситуация об угасании не только философии истории, но и самого исторического знания? Налицо повсеместная, идущая со школьной скамьи, деградация знаний о культуре, сопровождаемая очевидной деформацией исторического мышления. Манипуляция историей, ее идеологическое подвертывание говорит об активной борьбе политически ангажированных нарративов. Чем же может быть полезен опыт Ключевского? Выскажем мнение: непредвзятым, но при этом продуманным целостным видением русской истории. Поэтому отказать Ключевскому в научной актуальности означает не больше, не меньше, как отвергнуть камень, который следовало бы положить во главу угла.

Особенность методологического подхода Ключевского состоит в своеобразной историософской «оптике». В этом заключается и его универсализм, и его новаторство. Оптический фокус создается благодаря пересечению трех взглядов на русскую историю, которые и дают искомый образ реальности в достоверности происходящего и точности понимания: это оценка реалий русской жизни представителями других культур, это интерпретация духовной истории России и, наконец, анализ ее социально-политической системы. Эти линии исследования были определены Ключевским в знаменитых диссертациях «Сказание иностранцев о Московском государстве», «Жития святых как исторический источник», «Боярская Дума Древней Руси» и развернуты в восьмидесяти шести лекциях по русской истории. Сюжеты, которые интересуют Ключевского, глубоко символичны для исторических судеб России.

Не менее символичен и творческий путь выдающего ученого и мыслителя. Родившийся 28 января 1841 г. в селе Вознесенское Пен-

зенской губернии, сын сельского священника Пензенской епархии, обучавшийся в Пензенском духовном училище и семинарии, Ключевский должен был пойти по стопам отца. Реформы открыли для него новые возможности. Показателен в этом смысле факт, что Ключевский поступил на историко-филологический факультет Московского университета в год великой реформы 1861 г. Пройдя все ступени университетской карьеры, на высоте своего научного и преподавательского успеха, Ключевский стал знаковой фигурой для русских образованных людей, а его исследования и лекции — источником развития социально-философской мысли и политических идей. И сегодня культурно-историческая концепция Ключевского, его способ видения русской духовной и политической жизни продолжают оставаться бродильным элементом философии истории, актом самопознания и интеллектуальной рефлексии, изучением прошлого не ради прошлого, но как живой части культурного опыта россиян.

Обращаясь к наследию Ключевского, российское общество может приобрести столь необходимую ему точку опоры в сложном процессе формирования исторического самосознания. Новое звучание его идей прежде всего связано с четкой постановкой религиозного и социально-политического вопроса русской истории, с выявлением ее политических констант и духовных архетипов — тех сюжетов российской жизни, вокруг которых формировался русский мир и русская цивилизация. Социально-философская мысль Ключевского интересна своим обращением к проблеме становления социальных институтов на фоне борьбы групповых интересов и влияния личностного фактора, отчетливо проявляющего себя в отечественной истории. По сути, Ключевский, обратившись к церковно-государственной истории Руси/России, предпринял попытку написать историю зарождения русского гражданского общества — историю полноправной европейской культурно-политической нации, имеющей общий христианский исток с Западной Европой. Как мы можем видеть, эти идеи и концепты актуальны и для современности, а культурные и метафизические константы исторической России, выявленные Ключевским, обнаруживают себя в формировании социального порядка сегодня.

Как нам представляется, основной вопрос философии социальной истории, по Ключевскому, связан с определением *либеральных перспектив российского государства*. Другими словами, историософская концепция Ключевского отвечает на вопрос: как возможно формирование гражданского общества в России? Для выдающегося исследователя социально-политической и церковной истории России, обладавшего независимым мнением, политическая идентичность стала не просто знаком принадлежности к просвещенному классу, своего рода стилем интеллектуального поведения, но публичной гражданской позицией. Высказывая суждение об отечественной по-

литической традиции, Ключевский определился и со своими взглядами, оказавшись близким правому крылу партии кадетов теперь уже в условиях формирующейся политической системы имперской России. И в этом самоопределении он продолжил начатую им колоссальную работу ученого и профессора-просветителя по поиску «средств самоисправления» общества, анализируя отношение «русского ума» к «русской действительности».

В заключении к своему фундаментальному пятитомному труду автор «Курса русской истории» указывает на главное противоречие российской истории, заключающееся в расхождении русского ума с русской жизнью. Как отмечает историк, ум образованного русского человека, напитавшись «значительным запасом политических и нравственных идей», идеи эти не выработал, а заимствовал со стороны¹. «Идеи политические и нравственные составляли один порядок; жизнь, отношения, которые установились в русском обществе, составляли другой порядок, и не было никакой связи между тем и другим»². В попытке «примирить свободу и рабство» начался, по Ключевскому, «двойной процесс в русском уме»³. Ключевский и себя считал участником этого трудного процесса — необходимого звена в разрешении исторически сложившегося противоречия. «Мы начали критически относиться и к идеям западноевропейской цивилизации, — пишет Ключевский. — С другой стороны, мыслящий человек заметил, что на новорасчищенной почве нельзя прямо сеять эти идеи, что можно продолжить работу, посредством которой русские нравственные обычаи и понятия были бы приспособлены к тем идеям, на которые должен стать создаваемый порядок русской жизни. Этот процесс повел к мысли о необходимости внимательного изучения русской действительности, как и ее источника, т.е. прошедшего. Вот момент, — заключает Ключевский, — на котором мы стоим, лучше сказать, вот двойной вопрос, который предстоит нам разрешить»⁴.

Понимая, что русское общество стоит в начале этого пути, Ключевский словно бы оставляет завещание своим слушателям и читателям, передавая им историческую эстафету: «Вы должны, прежде всего, приняться работать своим умом вместо пассивного усвоения плодов чужого ума. Эта работа должна, прежде всего, направиться на проверку усвоенных нами чужих идей и на внимательное изучение действительности»⁵. Автор считает себя представителем поколения эпохи великих реформ и подводит своеобразный итог крайне важному и плодотворному для российской истории периоду развития общественно-политической жизни: «Поколение, которое воспитывалось под влиянием реформ Александра II, до боли чувствовало настоятельность разрешения той и другой задачи. Надо признаться, что это поколение, которому принадлежит и говорящий, доселе плохо разрешало свои задачи, и надо думать, что оно сойдет с поприща, не

разрешивши их, но оно сойдет с уверенностью, что вы и те, которых вы будете воспитывать, разрешите их за нас»⁶.

Реалист Ключевский смотрит в будущее с определенной долей оптимизма — сказывается его неутомимый темперамент учителя-воспитателя, наставника молодых взыскующих умов. XX век во многом подтвердит основные выводы Ключевского, но подтвердит самым трагическим образом, в том числе и его предчувствия и предвидения, жиздившиеся на интуиции исследователя и социального мыслителя, например, о том, что наследник императора Николая II, избравшего реакционно-охранительный курс своего царствования, править не будет.

Вопросы и задачи, поставленные Ключевским, и это следует признать, не разрешены XX в., доставшись в наследство поколениям, живущим уже в третьем тысячелетии. Потому сегодняшнее обращение к наследию Ключевского — задача отнюдь не кабинетная. Она имеет конкретную социокультурную перспективу и для общества, и для власти. Критический анализ отечественной истории, осуществленный ученым, позволяет подобрать «инструменты» к решению одной из наиболее сложных российских проблем — культурной и политической идентичности национального государства. Она многоаспектна и включает в себя философско-теоретические и практические вопросы, связанные с особенностями наследования духовно-культурных традиций, на основе которых формируется историческое предание.

Отметим, что современные интерпретации русской политической культуры значительно различаются как в подходах, так и в оценке исторического пути России. Налицо *отсутствие в обществе ценностного консенсуса по базовым основаниям жизни — социальным, экономическим, духовно-культурным*. Эта ситуация проявляет себя в поколенческих разрывах, взятых не в узком значении «отцов и детей», а в широком социально-историческом и культурном плане. Не только настоящее, но и прошлое, которое так настойчиво призывал изучать Ключевский, чтобы в очередной раз не быть проученными за свое невежество по причине пренебрежения к урокам истории, предстает «слабым» звеном в процессе консолидации российского общества в нацию. Способна ли современная Россия интегрироваться в глобальный мир, не теряя своего культурно-цивилизационного облика? Разрыв этой исторической цепочки в преемственности ценностей на фоне распада социального поля и технологически не перевооружившейся экономики не позволяет формироваться социальному, культурному и политическому капиталу.

Выстраивание общего политического пространства в современной России представляет серьезную проблему. Этот процесс значительно осложняется распадом ценностной системы. Что стоит за драмой нашей истории и национального самосознания, и может ли чтение Ключ-

чевского помочь преодолению этого разрыва, свидетельствующего о нарушении преемственности духовно-культурной традиции? Выделим в данном контексте следующее. Ключевский, будучи историком скорее не «государственной», а «общественной» школы, впервые обратил пристальное внимание на интересы «человеческой личности и людского общества», показав историю как борьбу страстей и реальных интересов различных общностей, групп и сословий. Но как человек европейской культуры и христианской традиции с ее телеологией истории он мыслил и категориями европейского модерна.

Справедливо задать вопрос, насколько в этом случае продуктивна историческая методология Ключевского для описания и интерпретации современности? Сохраняют ли национальные государства и культуры субъектность в ситуации постмодерна и, как следствие, место в истории? Или «авторское право» на историческое творчество принадлежит уже другим субъектам, например, пользователю социальной сети, активному блоггеру, фанатику-террористу, поп- или кинозвезде, финансовому спекулянту или транснациональной корпорации? Другими словами, не устарел ли Ключевский? Здесь возникает и другая проблема — насколько реальны и точны представления национальных сообществ о себе, о своем прошлом и об отношении к нему, не станет ли призыв к возвращению в историю попыткой архаизации и рутинизации современности?

Как представляется, логика вопросов и ответов Ключевского дает весьма продуктивный методологический ход, показывающий принципы отношения просвещенного ума к особенностям национальной жизни в многообразии ее социально-культурных форм. Собственно всем своим опытом критического прочтения русской истории Ключевский ставит одну сверхзадачу — идти путем творческого синтеза старого и нового, с одной стороны, преодолевать косность сложившегося социального порядка, с другой — не отказываться от принципов метафизического мышления и христианских нравственных ценностей. В этом смысле опыт Ключевского — яркое воплощение критической работы русского ума, но без пессимизма чаадаевских философических писем. Его исследовательская и педагогическая деятельность проникнута духом позитивной просветительской работы. Ее моральный запас составляет, конечно, русская классика в тот период, когда национальная культура достигла формы универсальности и вошла в общее пространство европейского культурного предания, заявив о себе как о мировой державе с высоким культуротворческим потенциалом.

Русская классика, с одной стороны, сумела объединить метафизический план мышления, метафизические ценности, с другой — стала постепенно осваивать «инструментарий» европейской светской культуры с ее идеями правового государства и свободы личности.

Ключевский — наследник великой русской классики, которая обрела свой нравственный общественный голос в эпоху великих реформ. Он — свидетель этой эпохи, и, если можно так выразиться, ее культурный результат, который заключался в синтезировании двух типов учености — духовной школы и университетской образованности. Ключевский пришел в науку из «культуры веры», из школы, которая, по его словам, не учила, а поучала, и, тем самым, «методом от противного» навсегда отвратила его от формализма и фарисейства в вопросах веры. Своим непротиворечивым школярским нарративом она, как это нередко бывает, побудила подвижный ум к поиску правды и истины, к согласованию религиозного опыта и деятельности разума через критическое переосмысление духовно-культурной традиции. История как событие и историческая наука как метод познания оказались для Ключевского способами снятия этого диалектического противоречия. Собственно, главная посылка исторических трудов исследователя — в выявлении национальных особенностей жизни по отношению к положениям нравственного и практического разума и подлинному духовному опыту, составляющему сердцевину русской религиозной культуры. Все это говорит о Ключевском как о мыслителе христианско-либеральных взглядов.

Общациональная и общегосударственная идея России для Ключевского неотъемлема от традиции веры, но мало кто из историков дал такую нелицеприятную оценку существующего духовно-нравственного порядка пореформенной России. В своей известной речи «Значение преподобного Сергия для русского народа и государства» (1892) Ключевский с высоким пиететом говорит о духовном подвиге игумена земли русской как о «нравственном запасе, завещанном нам великими строителями нашего нравственного порядка» и тем самым обосновывает свое понимание метафизических основ исторической жизни народа: «Преподобный Сергий своей жизнью, самой возможностью такой жизни дал почувствовать заскорбевшему народу, что в нем еще не все доброе погасло и замерло; своим появлением среди соотечественников, сидевших во тьме и сени смертной, он открыл им глаза на самих себя, помог им заглянуть в свой собственный внутренний мрак и разглядеть там еще тлевшие искры того же огня, которым горел озаривший их светоч. Русские люди XIV века признали это действие чудом, потому что оживить и привести в движение нравственное чувство народа, поднять его дух выше его привычного уровня — такое проявление духовного влияния всегда признавалось чудесным, творческим актом; таково оно и есть по своему существу и происхождению, потому что его источник — вера»⁷.

Но в произведениях Ключевского мы можем найти и совсем другое отношение к духовному сословию. Характеризуя духовенство, он с горьким и едким сожалением говорит о расхождении практики

клира и живого опыта веры, о том, что духовенство, служа Богу, не понимает смысла самой веры. Оно учит паству не познавать и любить Бога, а только бояться чертей и вообще представляет собой, по словам Ключевского, «тунеядное сословие». Однако ученый не отвергает восточно-христианскую линию русской истории и культуры. Напротив, он понимает ее как исторический выбор, в значительной степени повлиявший на культурные практики Руси/России. Ему близка мысль о том, что национальная культура стала проводником христианского универсализма с его моделирующими категориями личности и свободы. Безусловно, историческая Россия Ключевского — это вариант европейской цивилизации, но на определенном этапе утратившей связь не только с большим временем культуры, но и с Вселенским православием. Поэтому встреча нравственно-политических идей, выношенных в процессе культурного развития Европы и русской действительности, оказалась столь драматичной.

2. Философско-либеральная оценка консервативной действительности

Консервация русского порядка без должной исторической и богословской рефлексии значительно осложнила путь поступательного, либерально-эволюционного развития России. Не трудно заметить, что российские модернизации были построены на отрицании традиции. Этому обстоятельству содействовала, по Ключевскому, и двойственная роль Православной церкви в отечественной истории: с одной стороны, культуросозидательная, с другой, легитимирующая различные социально-политические формы закрепощения человека, что противоречит базовой христианской ценности свободы и божественного дара разума.

На первом плане в работах Ключевского — отношение к истории как памяти культуры. На протяжении тысячелетней истории Руси/России происходили своего рода срывы цивилизационного развития, обусловленные не только внешними факторами, как, например, в эпоху монгольского нашествия, но и в большей степени внутренними противоречиями — рутинизацией социального порядка, сращения его с религиозной традицией. Примером является церковный раскол XVII в. и последовавший за ним культурный разрыв нации на европеизированное дворянское меньшинство и архаизированное крестьянское большинство в последпетровскую эпоху.

Внимательно читая Ключевского, можно сделать вывод, что в отечественной истории механизм творческого освоения культурной традиции себя не проявил. Он был замещен либо радикальным разрывом с традицией в целях скорейшего достижения нового, либо, напротив, консервацией старого порядка, и, как следствие, его архаизацией. Ключевский выявляет главную причину этого: ее можно видеть

в крайне слабом аппарате исторической и философской рефлексии, в отсутствии интеллектуальной опосредствующей культуры, что не позволяло *новому* вырастать из *старого* и сталкивало эти ментальные миры в культурной и политической жизни. Такая ситуация, отметим, не один раз повторявшаяся в российской истории, приводила к разрывам в социально-политическом поле, осложняя процесс складывания единой политической и культурной нации. Результатом этой линии развития в отечественной истории можно считать подмену культуuroобразующей православной традиции государственно-бюрократическим традиционализмом. Как жестко и метко скажет Ключевский, «Евангелие стало полицейским уставом». Традиционализм дает именно ту версию российского консерватизма, которая не застрахована ни от мистической экзальтации «верхов» и «низов», ни от мифологических соблазнов правящего класса по поводу исторической судьбы нации и государства. Сегодня вполне определенно можно сделать вывод, что русская революция в большевистском варианте стала ответом именно на эту версию политической истории.

Отсутствие процедуры рационализации смыслов — недостающее звено критического философского мышления, о чем так убедительно писал Ключевский. Эта историософская линия рассуждений Ключевского о консервации русской социально-политической традиции на рубеже веков оказалась востребованной либерально настроенной общественностью России в преддверии революционных изменений, приведших к появлению Государственной Думы и публичной политики. Отечественная «история по Ключевскому» не только воспитала два поколения русского образованного общества — на чтении и понимании истории «в духе Ключевского» выросла блестящая плеяда общественных деятелей, мыслителей и писателей, представителей русского политического и культурного либерализма. Справедливо говорить, что для думающих людей России, входившей в XX век, история была дана такой, «какой привиделась Ключевскому».

Согласно Ключевскому, одну из коренных причин рутинизации культурной и политической традиции России следует искать именно в отсутствующем звене философско-богословской рефлексии. Он прямо указывает на эту причину, коренящуюся, в первую очередь, в религиозных основаниях русской истории, в ее духовно-культурном моделирующем ядре — Русской Православной церкви. В ней, по словам Ключевского, произошло «затмение вселенской идеи». Это ситуация, когда вместо вселенского сознания мерилом христианской истины становится национальная церковная старина. Такое отношение к культурной традиции, по мнению русского историка, оказывается остановившимся и застывшим пониманием, которое теперь только и стремится оградить наличный местный запас религиозности от изменений и «нечистого прикосновения со стороны»⁸.

Тем самым вселенскость как необходимое условие христианской культуры локализуется местом спасения, а эсхатологическая идея Третьего Рима превращается в религиозно-политическую доктрину национального государства, не обладающего атрибутами имперского универсализма, что прежде соответствовало принципам строения церкви в трехчленной формуле единства, вселенскости и порядка, опять-таки воспринятой от политической традиции Рима. К VII в. Русь прониклась «религиозной самоуверенностью» и встала на точку зрения, согласно которой она одна теперь является «обладательницей и хранительницей христианской истины». Таким образом, «вселенское христианское сознание было заключено в узкий кругозор людей известного места и времени» со всеми его «местными особенностями и даже с туземной степенью его понимания»⁹.

Такое понимание приводит, с одной стороны, к архаизации традиции и национального предания, с другой, как отмечает Ключевский, к подозрительному и надменному отношению «к участию разума и научного знания в вопросах веры». Требование любить простоту больше мудрости приводит к ограничениям в выборе пути и способа познания. Это отразилось и на школьной дидактике. Утрата «средств самоисправления» (одна из блестящих формул Ключевского!) древнерусского церковного общества происходит под знаком авторитета традиции. Вот замечательный пример наставления в школьных прописях, который приводит историк: «Братия, не высокоумствуйте! Если спросят тебя, знаешь ли философию, отвечай: еллинских борзостей не текох, риторских астрономов не читах, с мудрыми философами не бывах, философию ниже очима видех; учуся книгам благодатного закона, как бы можно было мою грешную душу очистить от грехов»¹⁰. О каком историческом творчестве нации, ее культурном и политическом самоопределении можно говорить при таком подходе к духовному и социальному опыту!

Как считает Ключевский, попытка восстановить полноту исторического предания в эпоху Никона, с его идеей возвращения к греческим основам веры, приводит не к «самоисправлению», а к расколу. Предельным выражением тенденции секуляризации, обозначенной расколом, становится реформа Петра Великого. Анализируя социально-исторические и духовно-психологические причины раскола и появления старообрядчества, Ключевский выделяет три главных фактора. Первый — национализация Вселенской церкви, второй — косность и робость богословской мысли, ярко выраженная латинобоязнь, третий — инерционность религиозной практики с акцентом на языческом отношении к обрядности¹¹.

Московский собор 1667 г., отлучив непокорных старообрядцев от Православной церкви, разделил русский общественный организм на две религиозных субкультуры. В период активного

формирования национальной идентичности, по сути, возникли два общества внутри нации, которая так и не смогла осознать себя таковой, ни в культурном, ни и в политическом отношении. *Процесс нациестроительства в истории Руси этим событием был сорван.* Петр, преодолевая драматические впечатления детства и юности от восстания стрельцов, мятежного движения старообрядцев 1682 г., вскоре после избрания царем (спор в Грановитой палате 5 июля), воспринимал историческую духовную традицию в однозначной логике. Для молодого государя старина навсегда осталась связанной с расколом, раскол — с мятежом, а, следовательно, и сама старина — с мятежом. Допустить появление фигуры, подобной патриарху Никону, срамившему московского царя на вселенском судилище 1666 г., он не мог. В этом смысле церковная реформа для царя-преобразователя неизбежно становилась стержнем его внутренней политики. При императоре-самодержце Церковь могла быть только ведомством православного исповедания.

В новом имперском формате Петр пытается вернуть России место в современной истории и преодолеть катастрофическое цивилизационное отставание, ставшее результатом «национализации» христианской традиции. Однако принцип сохранения государственно-культурной целостности опять-таки осуществляется на основе идеи власти, имеющей сакральную легитимность. Поэтому и в рамках империи продолжает оставаться моделирующим архетип царства, порождающий секулярную версию теократии — русский абсолютизм с образом царя-помазанника как предстоятеля государства-церкви перед Богом. Парадоксальным образом религиозные реформы Петра, проведенные по протестантскому образцу, закрепили традиционалистское существование духовной традиции в ее архаическом обрамлении культуры рода и культуры древнего царства с чертами восточной деспотии. Следствием этого стала деградация церковного сознания при длительном сохранении института экономической и личной зависимости подавляющего большинства населения Российской империи. Другим культурно-политическим результатом развития Империи после реформ Петра стал катастрофический разрыв между властью и обществом, подчеркнутый неразвитостью социальных и экономических отношений. Болезненное расхождение между традицией разума и опытом веры привело к идейному и духовному расколу элиты, обострив политическую интонацию в обсуждении судьбы России.

Отмеченная выше специфика государственной и общественно-культурной жизни Руси/России составляет характерную традицию консервативного социально-политического мышления и бытия. С некоторыми отличиями такие симптомы могут быть обнаружены и в современной России, что подтверждает острую необходимость

критического переосмысления ее политической истории в опоре на Ключевского, указавшего *на зазор* между идеями и культурными практиками, социально-политическими новациями и нравственным опытом нации. Задача эта близка интеллектуальной задаче Ключевского и заключается в преодолении инверсионной парадигмы раскола и следующего за ним срыва цивилизационного развития. Решение этой проблемы достигается только в перспективе творческого освоения культурной традиции в преемственности духовно-социального опыта.

Сегодня невыученные уроки и невыполненное задание В.О. Ключевского, как и предупреждал прозорливый знаток русской цивилизации, можно видеть в отрицательном результате социально-политического развития российского общества. Эта негативная историческая логика позволяет объяснить подобные «неудачи» России, которая раскалывается между радикализмом и охранительством и как будто не может встать на путь эволюционного развития своей политической системы и культурных институтов. Если мы обратимся к философско-историческому наследию выдающегося русского ученого, то увидим, что Ключевский, если не разрешил, то предельно точно сформулировал проблему синтеза европейских идей русским умом в рамках исторически усвоенной духовной традиции.

В свете данной проблемы Ключевский предстает как современный исследователь и мыслитель, историософ и политософ, ищущий ответы на вопросы своего времени в отечественной истории, в ее сюжетах. И сегодня тексты Ключевского обладают высоким эвристическим потенциалом, поскольку прежде всего посвящены особенностям формирования национально-культурной традиции. Проследивая в этом процессе эволюцию социальных институтов, он уделяет пристальное внимание борьбе интересов сословий и групп, равно как и роли личности в истории. Вопрос, на который отвечает Ключевский: кто имеет голос в истории, кто ее творческий субъект? Ответ историка — общество, культурная и гражданская нация. Так Ключевский приходит к идее национально-культурного либерализма, предлагая свою формулу синтеза универсального и национального в истории.

Критический взгляд Ключевского на отечественную историю, его исследования взаимообусловленности духовной и политической традиции сегодня могут быть востребованы современной Россией, которая вновь поставлена перед необходимостью заимствований и догоняющей модернизации — и политической, и экономической. Стоит прислушаться к великому историку. Этот опыт будет успешным, если в основе теории и практики общественного развития, как и для русского мыслителя Ключевского, окажутся ценности национальной культуры.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ *Ключевский В.О.* Курс русской истории. Полн. изд. в одном томе. – М.: Альфа-книга, 2009. – С. 1178.
- ² Там же.
- ³ Там же. – С. 1179.
- ⁴ Там же.
- ⁵ Там же.
- ⁶ Там же.
- ⁷ *Ключевский В.О.* Исторические портреты. – М.: Правда, 1990. – С. 75 – 76.
- ⁸ *Ключевский В.О.* Курс русской истории. – С. 669.
- ⁹ Там же. – С. 700.
- ¹⁰ Там же.
- ¹¹ См. там же. – С. 712.

Аннотация

Автор обращается к интеллектуальному наследию В.О. Ключевского, рассматривая его в контексте российской и политической истории и комментируя в этой связи некоторые аспекты современной жизни страны.

Ключевые слова: национальность, духовность, христианство, миф, религиозность, традиционализм, консерватизм, либерализм, политика, культура, исторический процесс, самосознание, власть, общество.

Summary

In this text the author studies intellectual heritage of V.O. Klyuchevsky in the context of Russian cultural and political history, and comments on some aspects of historical and contemporary Russian life.

Keywords: nationality, spirituality, Christianity, myth, religiosity, tradition, traditionalism, conservatism, liberalism, policy, culture, historical process, self-awareness, authority, society.